

А. Я. ЛУРЬЕ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

*Государственное военное издательство
Наркома обороны Союза ССР
Москва — 1939*

А. Я. ЛУРЬЕ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

По летописным данным и печатным источникам автор излагает полководческую и политическую деятельность одного из выдающихся деятелей русского государства — великого князя Александра Невского, горячего патриота своей родины, успешно боровшегося с ее врагами и наголову разгромившего „исов-рыцарей“ на льду Чудского озера.

НЕМЕЦКИЕ „ПСЫ-РЫЦАРИ“

Александр Ярославович Невский (впоследствии знаменитый своими победами над шведскими и немецкими рыцарями) начал самостоятельно княжить в Великом Новгороде в 1236 г. То была страшная пора, когда на Русь со всех сторон хлынули смертоносные полчища чужеземцев, опустошавших русские земли и стремившихся поработить их население. С востока надвигались татары. С запада на новгородские и псковские земли нападали шведские и немецкие рыцари.

Жителям северо-западной Руси пришлось выдержать мощный удар немецких захватчиков, заклятых врагов русского народа. Еще в VIII веке немецкие «псы-рыцари» грабили и опустошали славянские земли между Эльбой и Вислой¹ под предлогом обращения язычников в «истинную христианскую веру». Проповедь католицизма и насильственное крещение были поводом к грабежу и завоеванию славянских земель.

В своем «устремлении на Восток» (Drang nach Osten) немецкие завоеватели пытались прежде всего захватить южное побережье Балтийского моря — Ливонию (нынешнюю Латвию и Эстонию). Эти земли были населены языческими народами — ливами, лэттами, эстами и др., — находившимися в зависимости от русских (полоцких) князей и платившими им дань. Еще в 1030 г. Ярослав Мудрый построил в эстонской земле крепость Юрьев, переименованную потом немцами в Дерпт, Дорпат (крепость эта впоследствии служила для Новгорода военным опорным пунктом).

По течению Двины русские построили два города — Куkenойс и Герсикэ². Эти города и прилегавшие к ним

¹ Славянскими племенами была населена вся равнина, где теперь находятся Берлин, Бранденбург, Шверин, Штеттин, Франкфурт-на-Одере и Данциг.

² Буковос, или Куkenойс, — русский замок на правом берегу Двины, в 134 км от Двинска и в 338 км от Полоцка. Герсикэ, ныне не существующий, по-видимому, находился в 169 км от Риги. В этом месте и поныне есть урочище, известное в народе под именем Герзак, или Бирзак.

волости были подчинены полоцким князьям. Таким образом при захвате балтийского Приморья немецким захватчикам неизбежно пришлось столкнуться с русскими князьями. Вначале хищники действовали хитро и осторожно. Свои намерения они маскировали «мирной деятельностью» — торговлей и пропагандой католицизма.

Вслед за появлением немецких купцов в Иксеуль появился фанатический проповедник католичества — зигесбергский монах Мейнгард. Его религиозная проповедь началась в 1186 г.

Мейнгард сумел завоевать доверие недалековидного Владимира, князя полоцкого, и получил у него разрешение на миссионерскую деятельность. Немецкие хроники с укоризной отмечают, что русские князья никогда не навязывали силой своей веры подчиненным им язычникам. Еще бы! Немецкий «опыт» в Восточной Пруссии учил совсем иному:

«Христианско-германская культура прежде всего захватила пруссов... — рассказывает об этом К. Маркс¹, ...«Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство».

С крестом в одной руке, с мечом в другой немецкий проповедник показал, как, по его мнению, надо «распространять христианскую культуру». Первым делом он позаботился о дальнейшем вооружении немецкого колонизационного центра: весной 1185 г. Мейнгард выписал из Готланда каменичников и построил в Иксеуле и Гольме замки (бурги), вооружив их балистами (каменными машинами).

Несмотря на лживые утверждения немецких хронистов, будто «проповедь имела успех», местное население (как и все вообще славяне) смертельно ненавидело католических миссионеров и немецких насильников-рыцарей. Еще в конце X века в земле пруссов был убит первый проповедник Адальберт (Войтех), чешский архиепископ, а спустя десять лет пруссы убили второго миссионера Бруно. В наказание за это польский король Болеслав Храбрый

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, кн. V, 1938 г., стр. 340, 342—343.

жестоко опустошил прусскую землю и убил многих пруссов.

То же произошло и в Прибалтике. В июле 1198 г. ливы убили преемника Мейнгарда — епископа Бертольда, за что теvтонские рыцари огнем и мечом опустошили ливские селения. Ливы принимали крещение только под угрозой казни. Но стоило немецким кораблям отплыть в море, как «новообращенные» бросались в реку Двину, восклицая: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам!»

Не смущаясь общей ненавистью, немцы настойчиво продолжали свое завоевание ливонских земель. Особенно «успешно» действовал преемник убитого Бертольда — епископ Альберт («паршивый бременский каноник», как его с презрением называет К. Марк). Альберт собрал значительные военные силы для «обращения» Ливонии. В то время (в начале XIII века) римский папа неустанно призывал всех желающих к крестовому походу против язычников-славян, а заодно с этим и против русских-христиан. Крестоносцам обеспечивалась охрана имущества, и за год служения в войсках епископа Альберта прощались грехи.

Для разжигания воинственного настроения были пущены в ход всевозможные средства религиозно-мистического одурманивания масс. В Германии подвизались всякие странники, нищие, монахи и ясновидящие, которые с жаром рассказывали о виденных ими «чудесных знамениях». Духовенство опешило воспользоваться возбуждением фанатиков, раздавало и освящало мечи, посохи и сумки пилитримов (чаломников).

В основе всего этого «мистического энтузиазма» лежала попросту жажда легкой наживы и приключений. «...юнкерам такая охота была по душе; северонемецкие купцы добровольно давали деньги и корабли, потому что в этих местах торговля была выгодна; по прошествии года епископ отпускал рыцарей, и тогда вместо них приходили из Германии другие. Жаждающие добычи и приключений рыцари принимают за дело»¹.

В 1201 г. Альберт построил в устье Двины город Ригу, а в следующем году учредил орден рыцарей-меченосцев.

В это время полоцкий князь Владимир был занят распрями со своими родичами и кровопролитной борьбой с

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1938 г., стр. 341.

литовцами. Он был недоволен тем, что ливы перестали платить ему дань. В 1203 г. он осадил немецкий замок Иксуль, но вскоре удовлетворился выкупом и снял осаду.

Рыцари все больше наводняли страну. Крепко ненавидели их «новообращенные» ливы. Они изнемогали от немецких поборов и жестоких насилий. Эти несчастные люди пытались найти поддержку у князя Владимира, который в 1206 г. дважды подступал к окрестностям Риги, но каждый раз его походы оканчивались неудачно.

Завоеватели умело вели свою игру. В 1207 г. земли ливов по нижнему течению Двины были ими окончательно покорены. Даже Вячко, смелый князь Куkenойса, вынужден был смириться, поняв всю безвыходность своего положения. Тщетно взывал он к помощи Владимира Полоцкого, советуя ему собрать поскорее войско и брать Ригу. Узнав о появлении больших сил крестоносцев, Владимир воздержался от выступления. Тогда Вячко окончательно покинул свой замок и в 1208 г. ушел в новгородскую землю, а его воины «собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Куkenойса и побежали каждый своей дорогой» («Хроника Ливонии» XI, 9).

Так пал Куkenойс. По приказанию епископа Альберта этот замок вскоре был восстановлен и сильно укреплен.

Не менее печальная участь постигла и другой русский город Ливонии — Герсика, взятый и разграбленный в 1209 г. немцами.

«Тот день,—говорится в «Хронике Ливонии»,—все войско (епископа Альберта) оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив все, подожгли город».

Пять лет спустя (в 1214 г.) Герсика был снова дважды взят рыцарями и дотла разграблен. С этого времени Герсика навсегда запустел и подвергся разрушению. Положение русских в Ливонии, наводненной немецкими завоевателями, было незавидным. Полоцким князьям пришлось отныне навсегда отказаться от ливской дани. Еще один раз попытается Владимир полоцкий восстановить свои прежние права. В 1216 г. совместно с восставшими ливами и союзниками литовцами он готовил поход на Ригу, но скоростигшая смерть помешала его намерениям.

Покорив Ливонию, рыцари Ордена принялись свойственными им «методами» насаждать христианско-германскую «культуру» в Эстонии. Основная цель и «методы» немецких насильников были повсюду одни и те же. «Если бы эти племена были единоплеменны, — писал К. Маркс, — то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон»¹.

Какова была эта культура, о которой с умилением толковали немецкие проповедники, мы узнаем из одного ценного документа той эпохи, наивно восхвалявшего жестокие деяния рыцарей, — из «Хроники Ливонии». Хроника эта написана на латинском языке Генрихом Латвийским, очевидцем и участником событий. Автор «Хроники» — верующий католик и слуга церкви — прославляет все жестокости, совершаемые именем Христа и церкви. Он старательно и подробно рассказывает о жестокостях тевтонских варваров, и наивный рассказ этот является для них убийственным обвинительным актом.

«И разделилось войско по всем дорогам и деревням, — рассказывает Генрих Латвийский о походе в Зонтагану и Приморскую область Эстонии, — и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили в плен женщин и детей... Обходя все кругом, разоряли и сжигали (все), что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой... Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзши от холода».

А вот как немецкие рыцари расправлялись с мирным деревенским населением:

«По прибытии в Роталию наши разделили войско, — рассказывает хронист Генрих, — отрядами по всем дорогам и деревням и застали по деревням мужчин, женщин и детей, так как там ничего не слышали о предстоящем приходе войска. И в гнев своем (тевтонцы) ударили на них и умертвили всех мужчин... и залили кровью язычников все дороги и места, и преследовали их по всем областям морского края».

Вот рассказ о «подвигах» венденского рыцаря Бертольда, Теодериха, брата епископа, и других немецких бандитов. «Они... разорили всю землю за рекой, сжигая деревни и убивая мужчин; захватили женщин и детей и, нанеся вред, какой могли, вернулись в Ливонию... Не

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, кн. V, 1938 г., стр. 341.

имели покоя, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они: либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно».

Очень часто немецкие рыцари предпочитали действовать не сами, а посредством покоренных ими племен, которых искусно возбуждали друг на друга. Так, например, при завоевании Ливонии они умело натравливали латгов на ливов, а при покорении Эстонии — ливов на гаррионцев. Вот потрясающий рассказ о массовой расправе с гаррионцами. «Была добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гаррионцев, куда те обыкновенно всегда спасались: зажгли огонь при входе в пещеры и, дымя днем и ночью, удушили всех — и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было же всего задохнувшихся обоого пола во всех пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской».

Неслыханные зверства немецких рыцарей вызвали возмущение у покоренных эстов. В 1223 г. по всей Эстонии запылало всенародное восстание. Эсты захватили на острове Эзеле замок, недавно построенный датчанами, союзниками немецких рыцарей. Затем восстали жители областей Гаррии, Вирландии, Ервена. Повстанцы взяли штурмом мощную крепость Феллин и, угрожая Ревелю, призывали на помощь псковичей и новгородского князя Ярослава (отца Александра Невского). Но ни Псков, ни Новгород не оказали им своевременной поддержки, и восстание было подавлено.

Один пункт за другим переходил в руки рыцарей и епископских воинов. Только один Юрьев продолжал держаться стойко. Мужественно оборонял его князь Вячко, бывший князь Кукепойса. Непримируемый враг католических колонизаторов, он группировал вокруг себя всех недовольных жителей края и, не страшась гнева рижского епископа, продолжал собирать дань с чуди, жившей в окрестностях Юрьева. По выражению Генриха Латвийского, Вячко был «ловушкой и сущим дьяволом-искусителем

для эстов и саккалан». Дважды пытался Орден овладеть Юрьевом (зимой 1223 г. и в апреле 1224 г.), но безуспешно. Прекрасно укрепленный и вооруженный замок противостоял всем вражеским нападениям. Епископ обратился с воззванием к Вячку, призывая его «отступиться от мятежников, оскорбивших таинство крещения и вернувшихся к язычеству». Но русский князь ответил категорическим отказом, заявив, что, «давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские князья обещали избавить его от нападений тевтонов».

После падения Феллина¹ (в начале сентября 1224 г.) немцы обрушили все свои силы на Юрьев, решив любой ценой взять его. Поля вокруг Юрьева покрылись вражескими патами, и к стенам крепости была придвинута «крепкая осадная башня из бревен, которую 8 дней искусно строили из крупных высоких деревьев». Немцы начали вести подкоп, причем работа шла днем и ночью без перерыва.

Часть подкопанного вала рухнула, и тогда осадную башню удалось придвинуть еще ближе к замку. Снова немцы предложили Вячку сдаться. Ему предлагали свободный путь для выхода со всеми его людьми, конями и имуществом, но Вячко отказался. Он все еще надеялся, что новгородцы придут на помощь. Осада продолжалась с удвоенной силой. «Многих на верху вала ранили стрелами из балист», — рассказывает Генрих Латвийский: «Других перебили камнями метательных орудий, бросали в замок из камнеметных орудий раскаленное железо, горшки с горящими углями. Одни готовили орудия, называемые «сжом» и «свиньей», другие складывали костры из бревен, третьи подкладывали огонь — и бились так много дней. Бывшие в замке построили свои машины, а против стрел христиан направили своих лучников и балистарию. Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками и с музыкой».

Но вот однажды эсты выкатили сквозь отверстие в валу колеса, наполненные горящими углями, набросали дров, чтобы поджечь движущуюся осадную башню. Но рыцари отстояли свою башню. Одни ворвались в замок сквозь пролом, другие взяли вал штурмом, — и началась жестокая сеча. Число убитых доходило до тысячи. Все русские

¹ Феллин — укрепленный центральный город Ливонии между Юрьевом и Рижским заливом.

войны, числом 200, были поголовно уничтожены. Мужественный Вячко погиб смертью героя.

Так пал Юрьев, последний оплот русских в Прибалтике. Весь этот героический эпизод отмечен в русских летописях одной скупой строчкой: «Того же лета (1224 г.) немцы убили князя Вячка в Юрьеве, а город взяша».

Напрасно дожидался Вячко новгородской помощи: только в сентябре 1224 г. Всеволод Юрьевич, князь новгородский, прибыл в Псков и, узнав о падении Юрьева, вернулся с войском домой. Слишком поздно вздумал он выступить на помощь храбрым защитникам Юрьева!

К осени 1224 г. вся Ливония очутилась во власти католиков и немецких рыцарей. Черная вражеская туча двигалась дальше — на русский Восток. Причиной этого несчастья был вовсе не недостаток храбрости и патриотизма у русских людей, а отсутствие у русских князей единства, непрерывные распри их и усобицы, мешавшие дать серьезный отпор немецкому агрессору. Впоследствии немецкие рыцари неоднократно терпели сильные поражения от русских. В начале 1234 г., как сообщают наши летописи, Ярослав новгородский разбил немцев у Юрьева. «И бил он их до реки, и пало тут много лучших немецких воинов. Много немцев потопили, иные раненные вбежали в Юрьев, а иные — в Медвежью Голову (Оденпе)».

В 1236 г., как говорит Маркс в «Хронологических выписках», «этих псов жестоко отдули». Подробнее об этом поражении рассказано в ливонских хрониках: «Немцы понесли большой урон и обратились в бегство. (На поле битвы) остались убитыми: храбрый полководец, магистр Фолкуин, граф Данненберг и прочие 48 рыцарей в полном вооружении и много простых воинов. Это несчастье заставило каждого ливонца мечтать о скорейшем слиянии ордена меченосцев и тевтонского ордена».

Сперва слился тевтонский орден с орденом «Добринских братьев», позже, в 1237 г., к ним присоединились ливонские рыцари-меченосцы. Объединенные рыцари, сохранившие название «тевтонских», представляли уже грозную силу. С вождедением и ненавистью глядели они на русский Восток, мечтая о завоевании русских земель и порабощении Новгорода и Пскова.

Вот каким был враг, с которым юному новгородскому князю Александру предстояло померяться силами.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

В ОЖИДАНИИ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Родился Александр 30 мая 1220 г.¹ в Переяславле Залесском, где отец его Ярослав был князем. Этот небольшой городок, расположенный по обоим берегам реки Трубежа, в 128 км от Москвы и на таком же расстоянии от Ярославля, среди неровной и довольно болотистой местности, был основан дедом Александра, князем Юрием Долгоруким.

Детство Александра было беспокойным. В 1228 г. Ярослав, призванный княжить в Великом Новгороде, оставил там своих сыновей — Александра и Феодора, — а сам уехал оттуда. Спустя некоторое время обоим мальчикам пришлось бежать из города. Причиной их побега была ссора отца с новгородцами. Между ними существовали своеобразные отношения: в Новгороде князь был только полководцем, которого горожане могли призвать или прогнать. Новгородцы несколько раз прогоняли Ярослава за крутой нрав и насилия, чинимые им над местным населением; однако они вынуждены были призывать его обратно, так как нуждались в услугах этого князя.

Высшим органом власти в новгородском княжестве было вече — собрание всех свободных граждан, достигших совершеннолетия. Представителем города перед князем был избранный вече посадник, охранявший интересы горожан и отстаивавший их права. Без посадника князь не имел права судить новгородцев и раздавать волости.

В отсутствие князя посадник управлял городом и даже иногда предводительствовал войсками. Новгород, крупный торговый центр, был феодальной республикой; господствующим классом в нем были бояре, землевладельцы и купцы. Трудовой люд Новгорода — «черные люди» — состоял из ремесленников, земцев (крестьян, владевших землей) и безземельных смердов (крестьян, живших работой на чужой земле).

¹ По другим данным годом его рождения считается 1219.

Хотя новгородцы и утверждали, что их вече выражает волю всего народа, но фактически руководили им бояре и богатые купцы. Путем подкупа, угроз и насилий бояре составляли себе большие партии на вече из так называемых «худых мужиков вечников» — и добивались всего, чего хотели. Часто в случае несогласия вече делилось на партии, и споры кончались рукопашной. Случалось иногда, что одно вече «звонило» на Торговой стороне Новгорода, другое — на Софийской; оба вече сходились и спорили на Волховском мосту, соединяющем эти части города. Бедный люд Новгорода был фактически орудием в руках враждующих боярских родов, которые нередко жертвовали благом родины во имя личных интересов.

Крутому и властному Ярославу было трудно ужиться с новгородцами. Одна из крупных ссор Ярослава с новгородцами произошла в 1228 г.

Призванный в третий раз княжить в Новгороде, Ярослав собирался в поход на Ригу, на ливонских рыцарей. Он привел полки из Переяславля. Но ни новгородцы, ни псковичи, крепко недолюбливавшие и боявшиеся Ярослава, не захотели его поддержать. У них были основательные причины относиться к нему с недоверием. Как мы уже знаем, в 1223 г. Ярослав был призван на помощь восставшими эстами. Ярославу тогда представлялся исключительный случай содействовать полному изгнанию из Эстонии ненавистных немецких захватчиков. Обстоятельства крайне благоприятствовали этому, но Ярослав не сумел или не захотел использовать благоприятный момент. «И послал король суздальский (т. е. Ярослав), — рассказывает Генрих Латвийский, — своего брата и с ним много войска, и шли с ним новгородцы и король (т. е. князь) псковский со своими горожанами, а было всего в войске около 20 000 человек... И прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля (Ярослава) пленных братьев рыцарей и тевтонов, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян». Поддержанный эстонскими повстанцами, Ярослав двинулся по направлению к Ливонии, но раздумал и, по совету встреченных им эзельских послов, пошел на Ревель, принадлежавший датчанам.

Соединившись с гервенцами, виронцами, варбольцами и эзельцами, Ярослав «осадил замок Линданизе, четыре недели бился с датчанами, но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много баллистариев, убивших немало русских и эстов. Поэтому в конце

концов король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Руссию», — рассказывает нам тот же Генрих Латвийский. Как говорит псковский летописец, Ярослав «города не взяша, а злата много взяша».

Иными словами, в борьбе с опасными колонизаторами Прибалтики Ярослав вел ту же близорукую политику, что и его предшественники — новгородские князья.

Прельстившись деньгами, Ярослав не довел до конца успешного похода и не выступил против злейшего врага своей родины — немецких рыцарей. Он упустил случай способствовать единению всех эстонцев с Новгородской Русью.

Вот почему, когда Ярослав спустя пять лет обратился к псковичам с просьбой: «Ступайте со мной в поход», он получил ответ:

— Тебе, князь, кланяемся, и вам, братья новгородцы, но в поход не идем. С рижанами мы помирились. Вы к Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро и возвратились в Новгород, ничего не сделавши, города не взявши. Также и у Кеси (Вендена) и у Медвежьей Головы (Оденне), и зато нашу братию (немцы) побили на Чудском озере, а других в плен взяли. Немцев вы только раздражили, да сами ушли прочь. А теперь на нас что ли итти вздумали?

В свою очередь новгородцы заявили князю Ярославу:

— Мы без своей братии псковичей не идем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся.

Долго уговаривал их Ярослав, но все его просьбы были напрасны.

Тогда разгневанный Ярослав уехал в Переяславль, оставив своих малолетних сыновей Александра и Феодора в Новгороде, под надзором их воспитателей — боярина Феодора Даниловича и тиунз (судьи) Иоакима.

Не успел князь уехать, как в городе начались сильные волнения. Осень в том году была необыкновенно дождливой, бессолнечной. Не удалось ни пашни пахать, ни убрать хлеб с полей. Житницы стояли пустые. «За все это время мы не видали ни одного светлого дня», пишет летописец.

Неурожай и голод вызвали сильное волнение в народе. Новгородский люд восстал, выгнал архиепископа (принадлежавшего к партии Ярослава), вытолкнул его за ворота и чуть не убил. Затем разграбили дома богатых бояр. Вооружившись, пошли на тысяцкого Вячеслава, разграбили его двор, двор брата его, двор стольника архиепископского

Андреича, двор старосты Душильца. Самого Душильца хотели повесить, но он успел бежать...

На бурном вече дело дошло бы до кровопролития, если бы 6 декабря не произошло сильное наводнение, сорвавшее Волховский мост и разделившее два враждующих веча, которые уже готовились с оружием в руках защищать свою точку зрения. Наконец, новгородцы отправили к князю послов, поручив передать ему, что он может вернуться только при условии, что будет уважать новгородскую старину и вольности. «В противном случае, — заявили после Ярославу, — ты себе, а мы себе» (т. е. будем жить врозь).

Но Ярослав медлил и долгое время не давал им никакого ответа. В конце февраля 1229 г., ночью, по его приказанию, Александра и Феодора воспитатели их увезли тайком из Новгорода. Это обстоятельство сильно взволновало новгородцев. На следующее же утро собралось вече.

— Должно быть, князь задумал какое-то зло на святую Софию! — кричали на вече — мы не гнали князей от себя и самому князю не сделали никакого зла, казнили только свою братью; а мы промыслим себе князя!

Решено было пригласить на княжение черниговского князя Михаила Всеволодовича. Но и этот князь недолго пробыл в Новгороде. Борьба партий разгоралась все более. Наконец, снова был приглашен Ярослав. 30 декабря 1230 г. он вернулся с сыновьями и пробыл в Новгороде только две недели. В середине января 1231 г. Ярослав уехал в Перемышль собирать полки на Михаила Черниговского, а сыновей оставил в Новгороде.

Все эти события не могли не оставить следа на одиннадцатилетнем Александре. Уже в таком раннем возрасте ему чужды были наивная беспечность и беззаботное веселье. Он рано был посвящен в тайны кровопролитных усобиц и яростной борьбы новгородских партий. Он видел горькую нужду темного, обманутого народа, именем которого творились всякие беззакония. После отъезда отца Александру пришлось наблюдать новое потрясающее бедствие, постигшее Новгород, — голод, какого новгородцы раньше не знали. Вследствие раннего мороза все озимые посевы в Новгородской области погибли. Цены на хлеб стали быстро расти и дошли до небывалой высоты — по гривне серебра (около фунта серебра!) за четверть ржи. Летописец рассказывает, что голодные люди ели конину, пшину, кошатье мясо, мох, сосну, лыко, липовую кору, а некоторые даже срезали мясо с трупов и ели его...

По улицам, на рынке и по Волховскому мосту валялись трупы умерших от голода людей, и псы пожирали их внутренности. Родители за кусок хлеба продавали кушам своих детей в рабство. К довершению бедствий, в начале 1231 г. грандиозный пожар уничтожил большую часть Новгорода.

Тяжело отразилась на мальчике также внезапная смерть его любимого брата Феодора (в 1233 г.). В следующем году Александр был свидетелем выступления отца своего в поход на Дерпт (Юрьев) против ливонских рыцарей, а затем против литовцев, грабивших русские земли. Ярослав разбил и немцев и литовцев наголову и с торжеством вернулся в Новгород.

В 1236 г. Ярослав стал великим князем киевским, а сына Александра посадил в Новгород. Шестнадцатилетний отрок сделался новгородским князем!

Ему предстояло править обширной новгородской землей. На Восток эта земля простиралась до Торьяка, на запад — до Финского залива, реки Наровы, Чудского и Псковского озер и границ ливонской земли, на юге доходила до Великих Лук и на севере — до Ладожского и Онежского озер и Онежской губы Белого моря. Далее за пределами новгородской земли подчиненные им области простирались до Печоры и предгорий Урала.

Новгороду отовсюду угрожали враги. В среде его граждан происходили частые раздоры и классовая борьба бедноты с богачами и знатью. Естественно, в первые годы своего княжения Александр еще не мог справиться со своими обязанностями. За него правили отцовские бояре, воспитатели, под руководством самого Ярослава. Но тогда уже начали вырабатываться те черты характера Александра, которые впоследствии завоевали ему любовь и уважение современников: доблесть и осторожность в бою, умение ориентироваться в обстановке и принимать нужное решение для боя.

В первые годы княжения Александра Новгороду угрожало нашествие татар. Осенью 1237 г. татары под предводительством Батия появились на русской земле. Они подошли вначале к границам Рязанского княжества и потребовали себе «покорности и десятины из числа князей, людей и коней» всякой масти.

Получив отказ, татары стали опустошать рязанскую землю.

Разорив ее, они через Коломну и Москву направились

к Владимиру. Владимир подвергся такому же разгрому, как и Рязань.

С глубоким волнением узнал Александр о чудовищном уничтожении стольного Владимира, гордости русской земли.

За Владимиром наступала очередь Новгорода. Татарская лавина катилась к нему. На пути татар пылали зарева, бесследно исчезали города и селения. Русская земля превращалась в огромное кладбище.

Только 100 верст оставалось до Новгорода. Татары шли селитерским путём, «людей секуще аки траву».

И вдруг от урочища Игнач-крест, в ста верстах от Новгорода, татары повернули круто к югу. Это было невероятным счастьем для Новгорода. Он был спасен наступлением весны, таянием снегов, распутицей. Батый, предпочитавший зимние походы, устранился разлива рек и озер и двинулся в более сухие места, к югу. Страшная гроза для Новгорода прошла стороной...

ПЕВСКАЯ БИТВА

Прошел год после этого события. В 1239 г. Александр Ярославович вступил в брак с дочерью полоцкого князя Брячислава. Шумно отпраздновал свою свадьбу молодой Александр. Два грандиозных пира было устроено им по сему случаю — один в Торонце, другой в Новгороде.

Но не успели еще отгнать ликующие звуки свадебных пиршеств, как молодой Александр спешит уже к западным рубежам новгородских владений, где, видя, что дела Пскова плохи, приступает к постройке крепостей по реке Шелоне. Нельзя было терять ни минуты. Хотя татарская опасность для Новгорода миновала, но с Запада грозили другие враги, не менее алчные и страшные — шведские и немецкие рыцари. Немцам было крайне выгодно использовать критический для русских момент — татарское нашествие.

В 1240 г., по призыву дерптского епископа Германа, немецкие рыцари, в компании со всякими авантюристами и бандитами, без объявления войны выступили против Изборска и захватили его в свои руки. Вслед за этим они подступили к Пскову. Среди русских нашлись изменники. Псковитянин Твердило Иванович, мечтая о власти и богатстве, предложил немцам свои услуги. С ним вошел в соглашение Ярослав Владимирович, русский князь, который, по сообщению ливонской хроники, «бежал из татарского плена и потому искал защиты у немецкого Ордена; происходя из рода псковских князей, он надеялся вернуть себе псковскую землю через посредство рыцарей и принял ради этого католичество». В действительности отец этого Ярослава был прогнан псковичами еще в 1212 г. за чрезмерное пристрастие к немцам; сестра же Ярослава была замужем за братом епископа Дитриха. Предатель Твердило повел немецкие войска на своих же русских.

После недельной осады рыцари овладели Псковом. Изменник Твердило стал править им от имени немецких завоевателей.

Одновременно с немцами на земли северо-западной Руси вели наступление датчане и шведы. Шведские рыцари были серьезным противником русских. Они давно искали повода для начала войны. Повод этот им представился. Абоский епископ Томас, насильственно обративший завоеванных финнов в католичество, довел их до крайнего озлобления своей алчностью и жестокостью. Восстание финнов против своих поработителей было объявлено «зверским неистовством дикарей, подлежащим примерному наказанию». Папа Григорий IX буллой от 9 декабря 1237 г. велел архиепископу упсальскому возвестить крестовый поход против язычников-финнов и русских «еретиков». Всем участникам похода было обещано «прощение грехов». Приготовления к походу продолжались более двух лет.

Во главе «священного ополчения» стал Биргер, зять шведского короля, косноязычного Эрика-Эриксона. Биргер единолично в то время управлял Швецией. Он обладал ненавязчивым честолюбием, был настойчив в преследовании своих целей и непрестанно мечтал о новых громких подвигах, которые прославили бы его имя.

Собрав многочисленное войско из шведов, норвежцев и покоренных финнов, сопровождаемый многочисленным духовенством, знаменитый ярл двинулся в поход на Новгород. Переезд через Балтийское море до Або и от Або к устью Невы совершился благополучно. Неприятельский флот гордо и радостно, заранее уверенный в своей победе, вступил в реку Неву.

Александр был уведомлен о появлении шведов сторожевым охранением, выставленным на Неве. Вслед за этим он получил от шведского полководца надменный вызов: «Если можешь, сопротивляйся! Я уже здесь и пленю твою землю!» Войска Биргера расположились на Неве в устье Ижоры¹. Как говорит летописец, неприятель «собра силу велику, мастера и бискупы (епископы) свои, и свея и мурмань и сумь, и емь, и наполни корабли многи зело полков своих, и подвижеса в силе велице, пыхая духом ратным и прииде в реку Неву и сташа усть Ижеры, шатався безумием своим».

План Биргера был таков: подойти по Неве к Ладожскому озеру, овладеть Ладогой и, опираясь на этот пункт, по Волхову наступать на Новгород.

¹ Ижора — небольшая речка Ленинградской области. Берега ее круты, течение извилисто. Вероятно, в старину при ее устье было селение.

Шведское нашествие не застало Александра врасплох. Умный и предусмотрительный, он еще за год до того укрепил линию реки Шелони и выставил вдоль балтийского побережья сторожевое охранение. Начальствовал над ним некий Пелгусий. Стремительным натиском Александр решил ошеломить противника, уверенного в своей победе. Не ожидая этого, шведы, бросив якорь у устья Ижоры, предались беззаботному отдыху после утомительного плавания.

Наступило утро 15 июля 1240 г. С восходом солнца туман понемногу рассеялся. День был яркий и знойный. Шнеки (суда) лениво качались на волнах, привязанные канатами к берегу. По всему побережью ярко белели многочисленные шатры шведов, и среди них выделялся златоверхий шатер Биргера.

Вдруг в 11 часов утра новгородцы во главе с Александром появились у шведского лагеря. Стремительно бросились они на неприятелей и начали их рубить топорами и мечами, «не давая им, — по выражению летописца, — оноевать мечи на чресла своя». Удар был нанесен по центру лагерного расположения неприятеля. Противники «секлись мечами, схватывались врукопашную».

Впереди всех был Александр. Его высокая фигура и голова в большом искусно украшенном шлеме возвышались над полем битвы. Увидев шведского полководца Биргера, Александр бесстрашно пробился к нему и тяжело ранил его в лицо. «И самому королю, — говорит летописец, — возложи печать на лице острым своим мечом». Во время жестокой сечи новгородцы убили множество шведов и потеснили их к берегу реки. Много было у Александра храбрых воинов, — говорит летописец, — и «сердца их были как сердца львов». Но особенно отличились в этой замечательной битве шесть доблестных Александровых друженников, которые, по выражению летописца, «крепко мужествовали с князем».

Первый из них, Гаврило Олексич, наехал на «шнеку». Видя, что королевича несут под руки, взъехал до самого корабля по той же доске, по которой несли королевича. Оттолкнувши лодку, шведы сбросили Гаврилу вместе с конем в воду. Но он снова бросился вплавь к кораблю и, взобравшись на его борт, вступил в бой со шведским воеводой. На глазах у шведского полка Гаврило убил этого военачальника, а также «бискупа» (т. е. епископа).

Второй герой-новгородец, по имени Сбыслав Якунович, много раз отважно нападал на врагов с одним только то-

пором в руке и нескольких сразил, «и подивившаяся сила его и храбрости». Третий, Яков Полочанин, княжеский ловчий, с мечом в руке один ударил на целый полк неприятелей и «мужествовав крепко, и похвалил его князь». Четвертый, Миша новгородец, пеший, со своей дружиной ухитрился потопить три шведских корабля. Пятый — Савва, из младших воинов, подсек столб большого златоверхого шатра Биргера. Шатер рухнул, и возрадовались увидя это, русские воины. Наконец, шестой из героев, от меченных в летописи, слуга Александра Ратмир бился пеший и, окруженный множеством шведов, пал, получив множество ран. Подробно рассказав все это, летописец прибавляет: «Сие же вся слышах от господина своего Александра Ярославича и от иных, иже обретошася в то время в той сечи».

В отличие от неисчислимых потерь противника, русские (новгородцы и ладожане) понесли сравнительно небольшие потери. Летописец перечисляет некоторых воинов, павших в битве: Константина Луготинича, Юру Тапняшиновича, Дроцилу Нездилова и других.

Множество шведов было убито в этом сражении; «остаток же, — по словам летописи, — побеже посрамленный». Груды трупов лежали на обоих берегах Ижоры. Поспешно наполнив три корабля убитыми, а остальных мертвецов похоронив в братских могилах, остатки уцелевших шведов «в тое нощи побегоша» — до света уплыли вниз по Неве в море.

Велико было торжество новгородцев. Шумно и радостно встретили они своего храброго князя, назвав его в честь победы над шведами Невским.

Слава молодого полководца прошла по всей стране. Широкою известностью получил он и за ее пределами.

Приехавши в Новгород для каких-то переговоров, «рыцарь Андреас» (предполагают, что это был магистр Ливонского ордена Андрей-Вельвен) был «очарован» личностью Александра. Как рассказывает наш летописец, — «этот Андреаш видел великого князя Александра Ярославича и, возвратившись к своим, сказал: «Я прошел много стран, но не видел такого, ни среди царей царя, ни среди князей князя». «Восхищенные» личностью новгородского князя, однако, не поменяло ливонскому магистру продолжать свои набеги на земли Великого Новгорода. Владея Псковом, немцы строили планы захвата русских земель — Воды, Ижоры, Карелии. С характерной для них наглостью они

НЕМЕЦКИЕ НАБЕГИ. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Немецкие рыцари прекрасно учли значение отъезда Александра. Как хищные звери, они кинулись на русскую землю. Немецкий историк XVIII века (В. Фрибе) дает следующее нелепое объяснение этому вторжению:

«Герман Балк (магистр Ливонского ордена) напал на Россию по следующим причинам: он желал отомстить за предыдущие нападения русских (!?); отчасти он желал ближе познакомиться с этой нацией, которую уподобляют сарацинам» (оригинальный способ удовлетворения своей любознательности!); «далее, путем победы над русскими Балк хотел увеличить мощь Ордена и отличиться геройскими подвигами».

Следует отметить, что к моменту Ледового побоища Балка уже не было в живых: он умер 5 марта 1239 г.

Вступив в новгородскую область — в Водскую пятину, — немцы обложили вожан данью и построили в Копорье (на берегу Финского залива) крепость. На границе Эстонии они заняли Тесово, рассыпались по реке Луге до погоста Себельского и появлялись уже в 30 верстах от Новгорода, нападая и грабя проезжавших купцов. Такими же грабежами занимался псковский изменник Твердило, передавшийся немцам. Положение для Новгорода становилось угрожающим. Только теперь новгородцы поняли, какую огромную ошибку они совершили, отпустив от себя Александра. Они каялись в своем безрассудном поступке, но было поздно.

«А на волость Новгородскую наидоша немци, литва, чюдь и поймаша по Луге вси кони и скот, и нелзе быше орати по селам и нечем», — печально говорит летописец. Крестьяне, лишившись скотины, бежали в город с горькими жалобами.

Тогда новгородцы взмолились к великому князю Ярославу, прося отпустить к ним сына.

Ярослав удовлетворил их просьбу. Но каково было удивление новгородцев и разочарование их, когда он

узнали, что едет не Александр, а Андрей! Новгородцы отлично понимали, что только победитель на Певе может спасти Новгород. Снова отправили они посольство на сей раз уже к Александру, прося его вернуться к ним в Новгород. В данный момент, когда грозная опасность немецкого нашествия нависла не только над Новгородом, но над всей русской землей, не время было считаться со своим личным самолюбием. Интересы родины были выше всего, и Александр согласился на возвращение в Новгород. Прибыв туда, он немедленно приступил к организации обороны. Собрав ополчение из новгородцев, ладожан, карелов, ижорцев, Александр немедленно двинулся к Финскому заливу, взял крепость Копорье и выгнал немцев из новгородских земель. По его приказу все изменники из племен Чудь и Водь были повешены.

Однако сил его было недостаточно для взятия Пскова. Александр обратился к отцу с просьбой помочь ему. Ярослав Всеволодович в это время находился во Владимире: после смерти своего брата Георгия он занимал там великокняжеский стол. Ярослав стремился восстановить разоренную Суздальскую землю. С его прибытием край оживился: начали очищаться дороги, из городов выносились трупы и предавались земле; прятавшиеся в лесах жители по призыву князя возвращались в свои дома.

Ярослав согласился послать помощь своему сыну. Суздальскими полками, прибывшими в его распоряжение, Александр занял дороги, ведущие к занятому немцами Пскову, и этим, по словам того же Фрибе, «перерезал коммуникационные линии гарнизона псковских рыцарей с Лифляндией. Осадив Псков, он взял его штурмом. При этом погибло 70 рыцарей, а шесть было взято в плен и затем казнено».

Немедленно после захвата Пскова Александр устремился на немецкие земли: он опустошил их на большом протяжении. «Александр продолжал развивать свою победу, — говорит Фрибе, — он ворвался в Ливонию и с наступлением зимы вернулся в Россию с богатой добычей».

Рассыпавшись по немецкой территории, передовые русские отряды потеряли связь со своими и были захвачены неприятелем. Так погибли Домаш Твердиславич, брат новгородского посадника, и многие другие. От немногих спасшихся Александр узнал о начале немецкого наступления и тотчас принял предупредительные меры. Он рассчитал, что враг может наступать по одной из трех дорог,

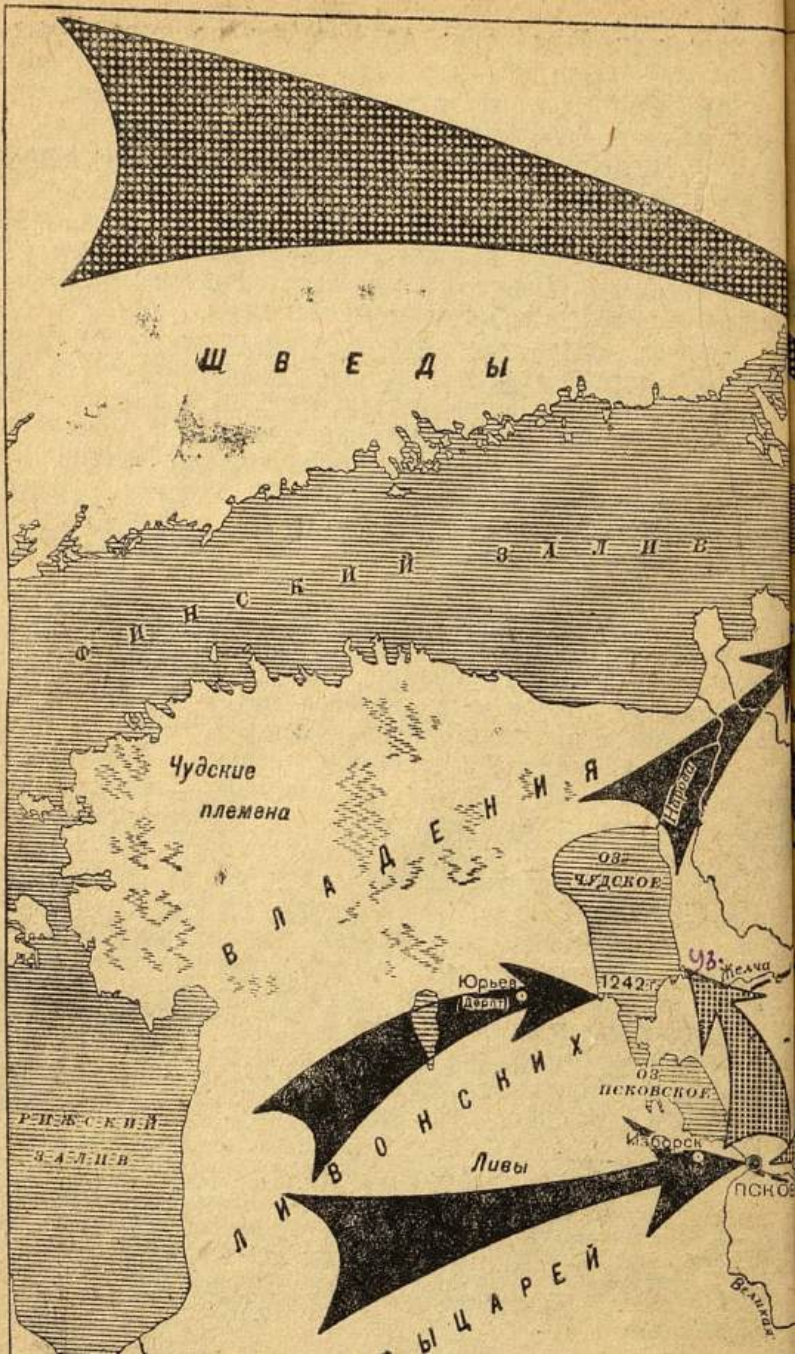
ведущих к Новгороду: от Копорья по реке Луге; от Юрьева — через Чудское и Псковское озера и далее по рекам Желчи, Плюсе и притокам Шелони; наконец, от Пскова — по реке Черехе, откуда переправлялись волоком в реку Шелонь. Рассчитав, что немцы могут избрать второй, более краткий путь, и приведя войско в боевую готовность, Александр отвел его назад к Чудскому озеру, к Узмени, у Вороньего Камня (при повороте из Чудского озера в Псковское)¹. Опасность угрожала немалая: соединенные силы рыцарей шли походом на Новгород.

Русское войско расположилось на льду озера. Ранним утром 5 апреля 1242 г. с высоты скалистого уступа Александр внимательно следил за приближающимся неприятелем. Впереди на далекое пространство к северу растянулось Чудское озеро с низменными, поросшими лесом берегами. Вдали Александр видел, как, блистая доспехами, движутся немецкие рыцари, закованные в железо, с длинными наперевес копьями. Казалось, что эти железные люди будут недоступны для русских мечей и стрел.

Зорким взором Александр окинул свои полки и сразу успокоился. «Они вооружены не хуже немецких», подумал он с гордостью. Дружинники, подобно рыцарям, были защищены от ударов металлической кольчугой с рукавами, стянутыми у кистей металлическими обручами. На голове у них были надеты островерхие шеломы (в отличие от немецких круглых шлемов), а железная «личина» — кольчужная сетка — была ничуть не хуже рыцарского забрала. Ноги русских защищались кольчужными панталонами. У них были неплохие мечи, сабли, копыя, щиты, луки и самострелы. Правда, «вои» — пешие народные ратники — не имели возможности покупать дорогих доспехов. Они вооружались кто чем мог: топорами, кистенями, самодельными копьями, мечами, луками со стрелами.

Момент был решающим. Немецкие хищники стянули все свои войска, чтобы раздавить живую силу русской рати, покорить и обратить в рабство свободный русский народ. Здесь, в полчище, двигавшемся на Александра, были

¹ Неизвестно, где находился этот Вороний Камень. Одни историки думают, что это — скала у устья реки Эмбаха, что бой происходил у западного берега Чудского озера, близ селения Исьмень. Другие считают, что бой происходил у восточного берега Псковского озера — у Вороньего острова. Первое предположение вероятнее, так как немцы бежали по льду «до Суболячского берега»: это западный берег Чудского озера, начинающийся к северу от устья реки Эмбаха.

Ш В Е Д Ы

Ф И Н С К И Й З А Л И В

Чудские
племена

В Л А Д Е Н И Я

Р И Ж С К И Й
З А Л И В

Юрьев
(Дорпат)

ОЗ.
ЧУДСКОЕ

ОЗ.
ПСКОВСКОЕ

Изборск

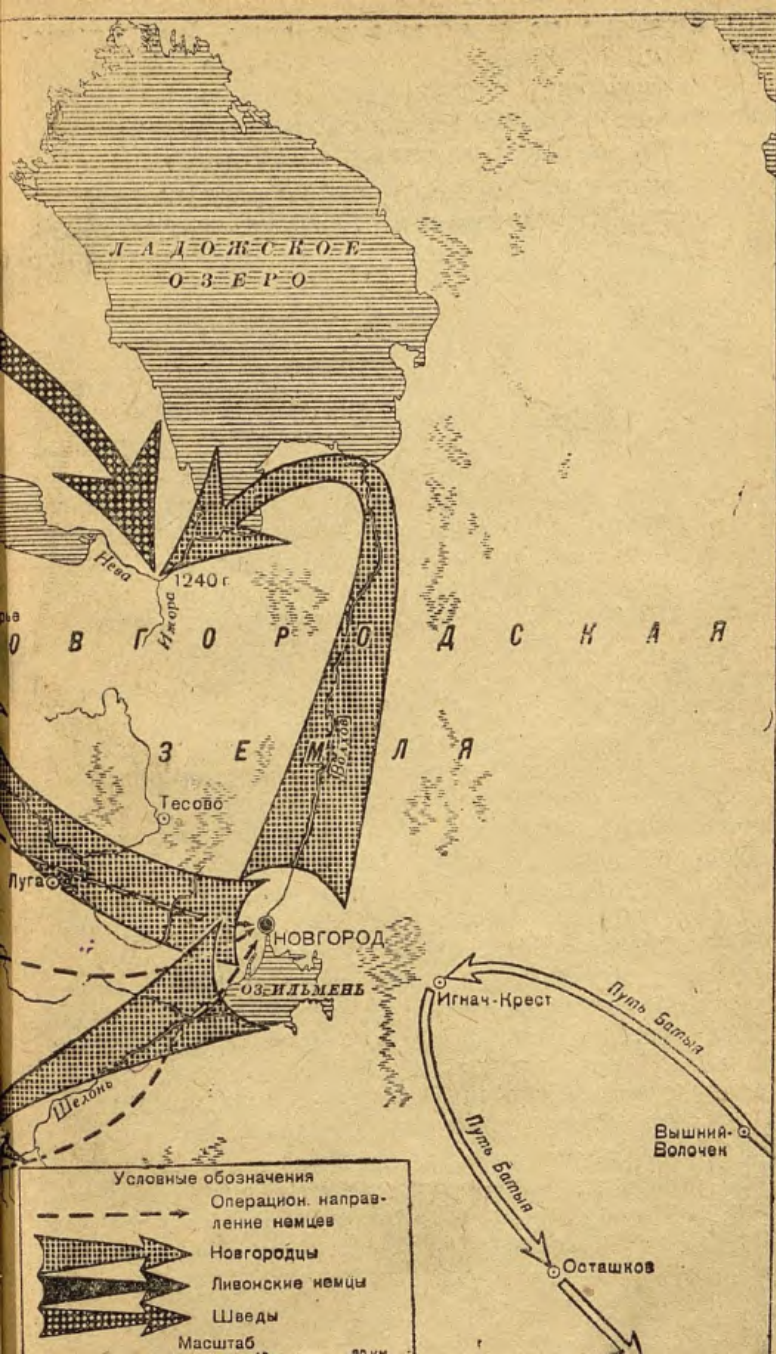
Ливы

Л И В О Н С К И Х

Ы Ц А Р Е Й

ПСКОВ

Великая

собраны огромные по тому времени силы. Ими предводительствовал сам «местер» — магистр Ордена. Количество войск, участвовавших в этом сражении с обеих сторон, к сожалению, не указано в летописных источниках; сказано только: «бысть же обонх множество вельми».

Но железная туча рыцарей, двигавшаяся на русских, ничуть последних не страшила. Храбрые, мужественные воины Александра были полны могучего подъема, горячего желания защитить родину.

Излюбленным боевым порядком немецких рыцарей был так называемый «железный клин» — «свинья»; он имел форму удлинённого треугольника, обращённого острым углом вперед. Обе стороны угла были заняты залованными в железо рыцарями. Внутри клин заполнялся ратниками, вооружёнными мечами, щитами и пр. Боевой клин со страшной силой врезывался в фронт противника и разделял его на части; остановить его движение было невозможно: недоступный ударам, он проникал все глубже и глубже. В образовавшийся прорыв кидалась пехота, находившаяся внутри клина, и доканчивала поражение противника.

Русские были знакомы с железной «свиньей» немцев; они искали приемов, чтобы бороться с нею. В данном случае нужно было противопоставить боевому построению немцев свое собственное, наилучшим образом его парализующее. Таким построением являлся «пяток», прямая противоположность «свиньи». При этом построении русские полки становились в виде римской цифры V (пять, «пяток»), или угла, обращённого отверстием к противнику. Такой строй позволял охватывать противника с флангов и сжимать его наподобие клещей.

Спокойно и бесстрашно ждали русские наступавших рыцарей. «Бе-бо тогда день субботний, — рассказывает летописец, — солнцу всходящу, и состушишася обои полци; немцы же и чудь пробишася свиниею сквозь полки, и бысть ту сеча зла и велика немцем и чуди, и труск от копей ломления и звук от мечного сечения».

Немцы прорвали наш строй в передовых частях. Русские впустили рыцарей к себе внутрь, но тотчас окружили их с боков и тесно сжали вражеские фланги огромными «клещами». «Боже, суди мой спор с этим высокомерным народом!» — горячо воскликнул Александр и первым бросился в сечу.

хрониках «небольшой пробел»: о позорнейшем для них, неслыханном разгроме на льду Чудского озера немецкие летописцы сознательно умалчивают!

Вот например, что пишет хроника Кельха (конца XVII века):

«Когда новгородский князь Александр взял Псков, вся Лифляндия была убеждена, что он пожелает и дальше испытать свое счастье. Датский штатгальтер и депутаты немецкого Ордена поехали в Данию и просили короля Эриха о посылке в Ливонию войска. Командующим был назначен Абель, брат короля. Но так как стало известным, что развивать далее свое наступление Александр не собирается и возвращается на свою территорию, то решено было от похода воздержаться. Датчане ограничились лишь тем, что послали своим пограничным гарнизонам в Эстляндии подкрепления».

Буквально ту же версию повторяют немецкая хроника Арндта и хроника XVI века Рюссова. «Ледового побоища» для них не существует.

Только в «Рифмованной Хронике» (стихи 2204-2280) упоминается о Ледовом побоище и рассказано, что в русском войске, предводимом «суздальским королем» Александром, было множество стрелков, красивые панцири, богатые знамена и шлемы их блестели на солнце. «Когда русские вошли в орденскую землю, то орденская братия вышла, чтобы отразить их, но в небольшом числе (?). Епископская дружина была малочисленная, да и войско орденских братьев было чересчур малое (?). Тем не менее немецкое войско ударило на русских. С обеих сторон убитые падали на льду, но орденское войско было окружено русскими. 60 русских приходилось на одного немца. Орденская братия сражалась достаточно, но была перебита... Король, довольный победой, возвратился в свою землю».

Знаменитый Шлецер, историк XVIII века, и его соавтор Гебгарди значительно добросовестнее изобразили события этого периода.

Здесь и нужно искать «пробел» большинства немецких хроник насчет Ледовой битвы. Нам ясно, почему переполошились датчане, почему король Эрих послал для поддержки рыцарей целую флотилию и почему он «ограничился укреплением ревальского гарнизона». После страшного поражения на льду озера, — пишет Шлецер, — рыцарикрестоносцы «убедились окончательно, что князь Александр — опытный полководец; они убедились, что следует

опасаться, как бы он со своим значительным войском не завоевал всей их страны».

Фрибе пишет:

«Так печально окончилось предприятие Ордена против русских! Храбрый Александр принудил рыцарей к миру. Условия этого мира были еще довольно благоприятны для Ордена».

Итак, согласно свидетельству русских и немецких источников, блестящая победа Александра Невского на Чудском озере положила конец всем надеждам немецких рыцарей когда-либо покорить и поработить северо-западную Русь. Напротив! Теперь они сами были объаты ужасом: «С трепетом магистр Ордена ждал Александра под стенами Риги,— пишет Карамзин,— и спешил отправить посольство в Данию, моля короля спасти рижскую богоматерь от неверных, жестоких россиян».

Но Александр не собирался продолжать преследования. Чужой земли ему было не нужно.

После продолжительного тревожного ожидания немцы начали, наконец, успокаиваться и поторопились заключить с новгородцами мир. Их послы явились в Новгород с дарами и поклонами. Немецкий орден обменялся с новгородцами пленными и отказался от всех завоеванных земель. Мало того, немцы не только вернули захваченные земли, но и уступили русским значительную часть Ливонии.

Слава великой победы Александра, громкая слава Ледового побоища облетела весь мир — «от моря Варяжского (Балтийского) до моря Понтского (Черного)... до гор Ара-ратских и гор Аравитских, даже и до Рима великого!» — сообщает наш летописец.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК ПОЛКОВОДЕЦ

В битве на Чудском озере мы имеем со стороны Александра мастерски осуществленный охват обоих флангов противника; этот охват, закончившийся окружением противника, привел к полному уничтожению его живой силы. В военной истории мы знаем пример такой же победы за 15 веков до Ледового побоища — знаменитые Канны. Припомним обстановку этого боя.

2 августа 216 г. до н. э. на равнинах Апулии, близ деревни Канны, произошел бой между армией карфагенского полководца Ганнибала и римской армией консула Теренция Варрона. В римской армии было 79 000 человек (в том числе 6 000 конницы), в армии Ганнибала 50 000 человек (в том числе 10 000 конницы). Желая решительным ударом разбить карфагенян, Теренций Варрон построил свою армию в 36 шеренг при ширине фронта каждой в 1 600 человек. Конницу римляне распределили по флангам; легковооруженные воины были предназначены для того, чтобы завязать бой и потом своей массой сжать противника.

Ганнибал свою армию построил в 12 шеренг. У него были основания предполагать, что внушительный по своей массе противник может прорвать его фронт. Поэтому Ганнибал впереди обоих флангов поставил кавалерию: большую часть конницы под предводительством Газдрубала — на левом фланге, меньшую — легковооруженную нумидийскую конницу — на правом.

Бой начался встречным движением обеих армий. И тут кавалерия Газдрубала, порубив римских всадников правого крыла, обошла римскую пехоту с тыла и атаковала левый фланг противника. Таким образом римские всадники левого крыла оказались между нумидийской конницей — спереди и газдрубаловской — сзади. Они были полностью уничтожены.

Римляне не подозревали, что обход их пехоты с тыла оказался возможным благодаря глубокому построению их фронта.

Карфагенская пехота была потеснена силой удара 36 римских шеренг, но в это время вступили в действие «фланговые уступы» по краям правого и левого флангов Ганнибала (в каждом «уступе» по 8 000 тяжеловооруженных воинов). Эти «уступы» медленно, но верно, охватывали правый и левый римские фланги, в то время как газдрубаловская кавалерия направила удар в тыл римской фаланги. Охваченные со всех сторон римляне «теснятся назад и оказываются все более и более сдавленными. Беспомощно, не имея возможности действовать оружием, они ожидают смерти. С сердцем, полным ненависти, разъезжает Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Только несколько часов спустя солдаты Ганнибала прекращают избиение. Устав от бойни, они берут в плен оставшиеся 3 000 чел. На небольшом пространстве лежали грудой 48 000 трупов. Карфагеняне потеряли около 6 000 чел. Было дано сражение на уничтожение, и, — что удивительно, — наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами» (Шлиффен).

Приведенное описание Канн напоминает нам Ледовое побоище 1242 г.; «фланговые уступы» Ганнибала аналогичны развернутым «клецам» Александра Невского.

Сражение при Каннах было классическим образцом охвата неприятельского фронта с флангов и обхода войск противника с тыла. С тех пор знаменитые полководцы мира, зная о Каннах, пытались применять в своих действиях метод Ганнибала. Канны для многих полководцев являлись идеалом, к которому они стремились.

Между тем Александр Невский едва ли был знаком с боевой деятельностью Ганнибала. Тем удивительнее для нас гениальность Александра, самостоятельно, без подсказок извне, дошедшего до создания замечательного плана уничтожения живой силы противника путем обхода его флангов и полного окружения.

Александр заранее организовал свой удар. К сожалению, изучение исторических материалов дает нам немного данных для подробного суждения о сложившейся обстановке перед Ледовой битвой. В немецкой истории Ливонии Шлецера и Гебгарди 1785 г. содержится ценное указание о том, что отход Александра на русскую территорию и сосредоточение им сил в узком месте у Чудского и Псковского озер было сознательным тактическим приемом.

«Александр, — читаем мы там, — вплоть до осени опустошал смежные с русской границей эстляндско-лифляндские

провинции. Испуганные немцы поспешно обратились за помощью к Дании. Набравшись снова храбрости, они предприняли зимой 1245 г. (правильнее 1242 г. — А. Л.) поход в новгородское княжество и, разорив новгородские земли, вновь осадили Псков. Князь Александр необычайно быстро стянул свои лучшие войска, показался своим врагам и стал притворно отступать: это было военной хитростью. Рыцари и их союзники слишком поздно догадались об его намерениях и, преследуя его, позволили завлечь себя 5 апреля в крайне невыгодное для них место — Узмень, на озере Пейпус (Чудском), благодаря чему потерпели очень тяжелое поражение».

Сходство Ледовой битвы с Каннами заключается в следующем.

Сосредоточив лучшие силы своей армии в узком и глубоком железном клине, немецкие рыцари были твердо убеждены, что неизбежный разрыв русского фронта в центре тотчас приведет к полному разгрому русской армии. Но Александр заранее подготовил более широкий боевой порядок и нависающие с обеих сторон крылья. Русские «клевцы», совершенно аналогичные «фланговым уступам» Ганнибала, крепкой хваткой сжали справа и слева немецкие фланги и продолжали быстро огибать противника, направляясь в его тыл. Доблестная конная дружина Александра завершила обход, ударила с тыла и внесла полное смятение в ряды рыцарей. Затем на протяжении семи верст преследовала и уничтожала рассеянных, бежавших рыцарей.

Для того чтобы достигнуть почти полного уничтожения противника, нужно было не только хорошо задумать этот смелый план, но и успешно осуществить его, сломить мощь противника, богатырским натиском утратить надменных рыцарей, считавших себя непобедимыми. Все это удалось сделать Александру. Замечательный план боевого построения и окружения неприятеля, самостоятельно возникший в его уме и великолепно осуществленный на практике, ставит Александра Невского в ряд величайших полководцев мира.

БОРЬБА АЛЕКСАНДРА С ЛИТОВЦАМИ

Замечательная победа на Чудском озере не вскружила голову благоразумному и осмотрительному Александру. Когда немецкие послы явились в Новгород с предложением мира, Александра там уже не было; внимание его было занято новой борьбой — защитой родины от нового дерзкого нападения. На этот раз Новгороду угрожали литовцы, которые, по выражению русского летописца, «начаша сильно пакостить».

Литовцы охотно пользовались усобицами и раздорами русских князей. Они обычно становились на сторону одних князей, чтобы нападать на других, и рады были любому предлогу, чтобы вторгнуться в русские пределы. Пешее войско у них преобладало над конным. Открытого боя литовцы избегали и нападали скрытно, внезапно, стараясь завлечь неприятеля в засаду. На возвышенных местах литовской границы были всегда заготовлены груды дров для костров; как только неприятель переходил границу — костры эти начинали пылать. На более высоких местах стояли рубленые городки, путь к которым был прикрыт густым лесом, озером или болотом. Сюда в случае опасности спасалось население, которое могло туда перейти по подземным ходам. Оружие литовцев было бедное — дубины, каменные топоры и ядовитые стрелы; но во время Александра они уже носили металлическое вооружение, которое переняли у немцев и русских.

Летом 1242 г. литовцы напали на новгородские земли, и Александр выступил против них. Правда, в этот раз войско его было невелико, но зато оно имело искусного полководца и действовало быстро и решительно. Обрушившись на врага, Александр рассеял семь ратей литовских, много воевод убил и взял в плен. Воины Александра были сильно озлоблены литовскими набегами и очень круто обошлись с пленными: привязав их к хвостам коней, гнали за собой, осыпая упреками и бранью. Александр так сурово проучил литовцев, что в течение трех лет они не осмелива-

лись приблизиться к новгородским границам и «начаша блюстися имени его».

В 1245 г. литовцы опять стали грабить окрестности Бежецка и Торжка. Набрав много добычи, они собирались уже вернуться в свою страну, как вдруг, настигнутые под стенами Торопца соединенными силами новоторжцев, тверичей и дмитровцев, укрылись в Торопце. На другое утро явился с новгородской дружиной и полками грозный Александр. В тот же день он взял Торопец, отнял у литовцев их добычу и уничтожил большое количество врагов. Погибло восемь князей литовских. Новгородские полки, удовлетворенные блестящей победой, решили вернуться домой и не желали слушать никаких уговоров. Но прозорливый Александр намерен был использовать военный успех до конца. С одной только дружиной он нагнал отступавших литовцев у озера Жизца и всех их истребил.

После кратковременного отдыха в Витебске, где сын его Василий гостил у деда своего Брючислава, Александр выступил с войском в обратный путь. По свойственной ему осмотрительности и благоразумию, он ни на минуту не забывал о необходимых предосторожностях. Прав литовцев был ему отлично известен. Александр знал, что они упрямы, настойчивы и мстительны, и был поэтому начеку. Он не ошибся в своих расчетах: на обратном пути под Усвятом ему повстречалась новая литовская рать, видимо, поджидавшая его по пути. Александр, не теряя времени, сам напал на литовцев с необыкновенной стремительностью, не давая врагу опомниться, и разбил их наголову.

Все эти победы Александра настолько устроили литовцев, что в течение семи лет они не осмеливались нападать на его владения.

Следует отметить, что, несмотря на все свои блестящие победы, Александр стремился только прогнать назойливых врагов, но первым на чужую территорию он не нападал. Так же поступает в наше время весь могучий и свободный русский народ. «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Эти слова вождя народов СССР — товарища Сталина — повторяет вся наша страна.

Правильная оценка Александром Невским обстановки, тщательная разведка противника, правильный выбор позиций и боевого построения, внезапность и стремительность нападения, умение развить преследование и окончательно разгромить противника — таковы главные черты блестя-

щего военного дарования Александра. Хотя современное вооружение, боевая техника, масштабы операций неизмеримо выше примитивного вооружения и методов борьбы XIII века, однако стратегический талант и боевой опыт Александра Невского заслуживают внимания и в наше время.

Особенно дороги и близки сердцу каждого советского патриота самоотвержение и отвага Александра и его воинов, их беззаветная любовь к родине, ради которой они не раз готовы были жертвовать своей жизнью.

В их подвигах мы узнаем великую доблесть русского народа, которую на протяжении своей истории он проявлял каждый раз, когда иноземные хищники покушались на его целостность, независимость и свободу.

ПОЕЗДКА АЛЕКСАНДРА В ОРДУ

В то время как Александр Невский одерживал победы над западными соседями, власть над Русью была уже в руках татар. Татарские ханы не могли примириться с независимым существованием новгородского княжества. Завидуя успехам Александра, некоторые русские князья, по выражению Карамзина, «стращали им моголов», этим еще в большей степени разжигая недовольство ханов. Настал момент, когда ордынские властители наложили свою руку на вольный Новгород. В 1247 г. Александр получил приказ Батыя явиться в Золотую Орду.

Такое приглашение хана ничего хорошего Александру не сулило. Некоторые русские князья, уезжавшие в Орду, оттуда не возвращались. Эта участь постигла и отца Александра — Ярослава. За год перед этим Ярослав «удостоился особой милости» матери великого хана Гаяка: она собственноручно угощала Ярослава всякими отборными яствами. После этого «угощения» князь занемог и на седьмой день скончался в страшных мучениях. Все тело умершего покрылось многочисленными пятнами: он был отравлен.

Не удовлетворившись таким убийством, властная ханша пожелала проделать то же самое с Александром. Как рассказывал францисканский монах Иоанн Плано Карпини, ездивший к великому хану, «мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его (Ярослава) сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот (Александр) не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену».

Тем не менее ехать нужно было. Александр понимал, что вступить в борьбу с татарами пока бессмысленно: один он не мог с ними справиться, а на поддержку русских князей, вечно враждовавших между собой, рассчитывать не

приходилось. С другой стороны, татарские ханы чрезвычайно снисходительно относились к тем князьям, которые признавали их верховную власть и регулярно платили дань. Помимо этого, они не вмешивались в жизнь своих вассалов. Чтобы уцелеть, в отношении татарских властителей нужно было применить все искусство дипломатии, которым в совершенстве владел Александр, — создать с этой стороны прочный заслон, для того чтобы со свободными силами обрушиться на других врагов русского народа — немцев, шведов и литовцев. Так Александр и поступил. Вооружившись величайшим терпением, он отправился в сопровождении брата своего Андрея в далекое путешествие — к берегам Волги, в Золотую Орду.

Столицей Батыя был Старый Сарай, в окрестностях нынешней Астрахани (его развалины сохранились у городка Селитренного). Подобные Старому Сараю, постоянные города у татар-кочевников были очень редки. Обычно же по прихоти хана разбивались многочисленные кибитки татар — и возникал кочевой город. Через некоторый промежуток времени город снимался с места, огромный обоз в несколько тысяч телег, запряженных лошадьми и волами, двинулся в другое место в сопровождении бесчисленных стад.

Долго пришлось ехать Александру в Орду. Наконец, он прибыл в ставку Батыя. По рассказу Плано Карпини, совершившего свое путешествие в 1246 г., Батый жил на берегу Волги и имел пышный, великолепный двор, 600 000 воинов, из них 160 000 татар и 450 000 иноплемеников. Наряду со всеми являвшимися к хану, Александру предстояло проделать целый ряд унижительных церемоний. Прибывших проводили между двумя огнями, так как по убеждению татар, огонь есть чистилище для всяких злых умыслов и отнимает даже силу у скрываемого яда. Александра сразу не допустили к хану, а предварительно отправили к волхвам, которые потребовали, чтобы он прошел «сквозь огонь и поклонился кусту и огню и идолам их».

Александр наотрез отказался от позорного поклонения «кусту» и идолам. «Смерть ему, смерть!» — закричали волхвы. Они немедленно донесли Батыю о дерзком поведении князя. Волхвы были уверены, что хан придет в ярость и велит подвергнуть ослушника смертной казни. К величайшему изумлению их, хан приказал не принуждать Александра исполнять установленных обрядов. Снисходитель-

ность Батия, очевидно, объяснялась тем, что он много слышал хорошего о мудром и храбром новгородском князе. Александр был допущен в шатер Батия.

Осанка, мужественное, одухотворенное лицо и величественный вид Александра поразили Батия. Из беседы с князем он убедился, что Александр далеко превосходит других князей своим умом и дарованиями.

Но мытарства Александра и его брата на этом не ограничились. Из Сарая им предстояло по воле Батия поехать в Монголию, на поклон к великому хану.

Великий хан жил в Кара-Коруме, на горной окраине страшной азиатской пустыни Гоби, на юг от озера Байкал.

Далекое и тяжкое путешествие пришлось совершить Александру и Андрею: они ехали через обширные степи и пустыни Средней Азии. За Уралом путники вступили в совершенно безводную и пустынную «страну кантитов» (современную Киргизию).

«В земле кантитов в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде; из-за недостатка в воде население ее немногочисленно,— пишет Плано Карпини,— поэтому люди князя русского Ярослава, ехавшие к нему в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Жителей истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены в рабов».

Надолго простившись с отечеством, Александр и Андрей терпеливо выносили голод и жажду. То они отдыхали на снегу, то изнемогали от жары на раскаленной, безжизненной, сухой земле. Они проезжали по голой, унылой степи, лишенной растительности и часто усеянной костями... Они видели развалины и груды костей там, где некогда высились богатые, цветущие города. Это было подлинное царство смерти!..

Столица великого хана Кара-Корум, куда прибыл, наконец, Александр с братом, была громадным городом, опоясанным глиняной стеной с четырьмя воротами. Внутри находились обширные помещения для ханской свиты, вельмож, чиновников и прислуги. Население города было самое разнородное: здесь были представители всех покоренных народов. Здесь можно было видеть и европейцев: французов, немцев, итальянцев, венгров и англичан.

Хан принимал послов в загородном богато украшенном дворце. Во время приема он восседал с одной из своих жен

на возвышении, украшенном массой золота, серебра и драгоценных камней. Избрание нового хана Менгу было только в 1248 г. утверждено великим курултаем. Ярославичам пришлось дожидаться утверждения нового хана. Поэтому они довольно долго прожили в столице Монголии.

Наконец, Менгу принял их. Он остался очень доволен Александром и его братом Андреем и предоставил Андрею владимирский стол, а Александру — Киев, Новгород, Переяславль Залесский и «всю землю русскую». Трудно объяснить, почему великое княжество владимирское досталось младшему, а не старшему брату. По словам хана, он сделал это якобы «по завету отца их Ярослава». Если только хан не солгал, то намерения Ярослава следует объяснить желанием поручить храброму Александру Невскому защиту западных рубежей Руси. Может быть, Ярослав руководился желанием восстановить разоренные приднепровские земли и знал, что на это способен только энергичный Александр.

В начале 1250 г., после более чем двухлетнего отсутствия, Ярославичи вернулись на родину. Андрей стал великим князем владимирским. Но недолго пришлось ему занимать этот высокий пост. Дядя Андрея, Святослав Всеволодович, претендовавший на великокняжеский стол, пытался убедить Сартака, преемника Батые, в том, что Андрей злоумышляет против ханов. Действительно, поведение Андрея часто носило вызывающий характер. Еще в 1250 г. Андрей женился на дочери галицкого князя Даниила — одного из немногих русских князей, пытавшихся восстать против татар, опираясь на западных союзников. Влияние Даниила на Андрея было довольно значительным. Андрей небрежно производил сбор дани, не посылал, как делали другие, богатых подарков ордынским вельможам и т. д. Все это подтверждало подозрения Сартака, и в 1252 г. он отправил в Суздальскую землю большую рать во главе с царевичем Неврюем и князьями Котием и Алебугой. Когда карательное войско Неврюя вторглось в суздальскую землю, Андрей не подумал об изъявлении покорности, а выступил с войском и принял сражение. Как и следовало ожидать, он был разбит. Эта борьба имела для Руси самые пагубные последствия: преследуя бежавшего Андрея, полчища Неврюя заняли Переяславль, разрушили его, убили семью Ярослава (брата Александра) и принялись опустошать суздальскую землю,

затем вернулись в Орду с большой добычей и множеством русских пленных.

В то время как Неврюй выступил в поход, Александр находился на пути в Орду. Его приезд пришлось очень кстати: хан немедленно провозгласил его великим князем. Что касается Андрея, то он сперва искал убежища в Новгороде, а затем бежал в Швецию.

Радостно и торжественно встретили жители Владимира нового великого князя. Имя его пользовалось широкой известностью не только на родине, но и во многих странах мира.

По отношению к татарской власти Александр, в отличие от Андрея, наметил твердую линию поведения. Ни о каких интригах против Орды Александр не желал и слышать, так как сознавал, что ослабленная Русь не могла пока бороться с Ордой. Дальнейшие события подтвердили правильность его выводов.

На западе заклятые враги русского народа — немцы, шведы и литовцы — пытались оторвать от русской земли часть ее владений. Уже в 1253 г. литовцы, осмелев, опустошили новгородские окраины. В это время в Новгороде княжил сын Александра Василий. Он настиг литовцев у Торопца и жестоко наказал их за набег.

В то же время римский папа начинает проповедывать новый крестовый поход против «татар, опустошающих Ливонию и Эстонию». Иннокентий IV намеренно и издевательски смешивал в этой булле *русских с татарами*.

«Псы-рыцари» зашевелились и воинственно забряцали своим оружием. Они подступили к Пскову, но никак не могли его взять. «Этот народ свирепый, — с раздражением говорили они о псковичах, — у них вооружение блестящее, а щлемы сияют, как стеклу». Новгородцы двинулись на помощь Пскову. Услыхав о их приближении, немцы позорно бежали. После этого псковичи сами вступили в немецкую землю, разорили ее за Наровой и в Карелии. Выиграв битву в открытом поле, они заключили мир на крайне невыгодных для немцев условиях.

Мы видим, что вызванные проповедью Рима немецкие набеги кончались для «псов-рыцарей» весьма плачевно: русские люди уже научились, по примеру Александра, бить немецких рыцарей, бить крепко и основательно.

Мирная политика в отношении татар позволяла Александру успешно бороться с врагами, нападавшими на Русь с запада. Довольно скоро шведы забыли о позорной

феудате на Неве и вновь начали свои происки. Не довольствуясь господством над Финляндией, они стали помышлять о новгородских землях и с этой целью вступили в союз с датчанами. В 1256 г. шведы, емь, сумь и ливонский магистр с ратью появились на берегах Наровы и стали здесь строить крепость. В это время новгородский князь Василий находился во Владимире у отца. Узнав о союзе в Новгороде поголовного ополчения, шведы поспешили удалиться во-свояси и даже оставили свою крепость недостроенной. Но Александр, как он ни был в то время занят важным вопросом о татарских сборщиках дани, твердо решил проучить шведов. Зимой этого года он явился во главе суздальских полков в Новгород и, соединившись с новгородскими полками, выступил в поход. Истинную цель похода он скрыл. Враги терялись в догадках. Шла молва, что русские идут войной на чудь. Наконец, прибыв в Копорье, Александр открыл своему войску, что он идет в Финляндию.

Труден и страшен был этот зимний поход для Александровых воинов. Приходилось идти малознакомой местностью, по дикой скалистой стране, со скудной однообразной растительностью, с редкими, убогими селениями. К счастью, среди финнов нашлись проводники — «шестники», согласившиеся сопровождать русское войско. Но и они, несмотря на привычность к местным условиям, в большом числе гибли при переходах по топким болотам и пустынным ущельям. «Бысть зол шуть, аки же не видали ни дня, ни ночи», — говорит летописец. Зимние туманы были так сильны, что войско не знало ни дня, ни ночи и должно было идти «почти оцупью». Многие новгородцы пали духом и, покинув войско, воротились с дороги, но большинство воинов шло за Александром. Он делил со своими бойцами все трудности и невзгоды похода, воодушевляя их личным примером. Неожиданно наткнувшись на неприятельскую страну, Александр прошел по ней, из края в край, до границ моря и возвратился в Новгород с большой добычей.

Этот необычайно трудный поход привел в ужас шведов и заставил их отказаться от дальнейших завоевательных планов. После этого целых 37 лет (до 1293 г.) они не осмеливались подступать к русским пределам. «Славна бысть земля страхом и грозой его», — говорит летописец.

Немцы продолжали свою враждебную политику в отношении Новгорода. Они упрямо стремились на восток.

Чтобы обезопасить себя от немецкого вторжения, литовский вождь Миндовг притворно выразил согласие «принять католичество». Этот железный, суровый и вместе с тем хитрый полководец готов был пользоваться любыми средствами для достижения своих целей. В данное время он вел наступательные действия против русских и нуждался в передышке.

Заявление Миндовга привело в восторг римского папу: перед католическим миром открывались новые перспективы покорения русского народа! Приняв Миндовга под свое покровительство, папа поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевской короной. Заранее убежденный в успехе, папа наметил уже нового епископа для русских областей... Но Миндовг обманул все надежды католиков. Он довольно скоро понял, что самой грозной опасностью для литовского народа являются немцы, что они помышляют не о благе литовцев, а об их порабощении и разорении. К великому разочарованию папы и рыцарей, мнимый «союзник» внезапно отрекся от католичества и швырнул им в лицо королевскую корону. Отныне Миндовг в союзе с русскими участвует в походах на немцев.

К. Маркс пишет:

«1250 снова отрекшийся от христианской язвы литовский князь Миндовг или Мендог в союзе с русскими и курами разбивает при Дурбене войско немецких конных рыцарей (Reitershund) и подчиненных им и обращенных в христианство ливов и пруссов, так что большая часть этой сволочи была истреблена...»¹

В 1262 г. Александр Невский узнало новых враждебных действиях ливонских рыцарей и решил, наконец, напомнить им времена Ледового побоища. Он заключил союз с литовским князем Миндовгом, жмудским — Тройнатом и полоцким — Тевтивиллом. К глубокому своему огорчению, сам он не мог участвовать в походе, так как вынужден был спешить в Орду, чтобы спасти русский народ от гнева татарского хана, недовольного сопротивлением этого народа при сборе дани. Начальство над суздальскими полками Александр вверил своему брату Ярославу и зятю Константину.

Соединившись с полками сына Александра — Димитрия, княжившего в Новгороде, — русские войска двинулись

¹ К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, кн. V, 1938 г., стр. 344.

в Ливонию. Этот поход замечателен тем, что впервые русские князья соединились с литовскими для совместной борьбы с немцами. «Служите сыну моему, как бы мне служили, не щадя жизни», — сказал Александр своей дружине, прощаясь с нею. Неукротимый Миндовг уже успел ворваться в Ливонию и подступил к стенам Вендена. «Опустил он всю землю и оставил следы своего зверства», — с прискорбием повествует немецкий летописец.

Когда Миндовг возвращался в Литву с богатой добычей, с другой стороны появились русские войска и подступили к Юрьеву (Дерпту) — сильной крепости, с большим количеством жителей и большим гарнизоном. Город был обнесен тремя кольцами каменных стен. Не теряя времени, по примеру их талантливового вождя и учителя Александра, русские с бешеной стремительностью и отвагой бросились на приступ и быстро овладели посадом, сожгли и разграбили город, увели много пленных.

В том же (1262) году был заключен выгодный для русских мир. Александр многому научил русских полководцев и воинов. Одним из важнейших методов войны, усвоенным русскими, был тот, что наши доблестные полки при малейшей попытке врага беспокоить русские границы немедленно переносили свои действия на вражескую территорию.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ БЕСЕРМЕНОВ. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Татарская дань тяжело ложилась на плечи русских людей. А хан в Орде еще был недоволен своими чиновниками, собиравшими дань; он упрекал их в том, что они «потворствуют русским», собирают «меньше, чем полагается». Тогда хивинские купцы-мусульмане, так называемые бесермены, предложили хану взять русскую дань на откуп, обещая сдавать больше, чем дают татарские сборщики. Хан согласился. Его мало интересовало, каким образом откупщики будут выколачивать дань. Он представил бесерменам широкие полномочия по сбору дани и те принялись за дело.

Под видом «облегчения» плательщиков они давали русским отсрочки для уплаты дани, но каждый раз за это взымали крупные, ростовщические проценты. Русские люди голодали и еле сводили концы с концами, чтобы уплатить дань. Но платить было нечем. Не получив дани, бесермены забирали должников и избивали их палками на улицах и площадях, требуя признания, «где они спрятали имущество».

Разоренных вконец бедняков и их детей они уводили в рабство и продавали на чужбине. Бесермены грабили русских под охраной татарских карательных отрядов, которые помогали им разорять несчастных людей, помогали

«Вдовы бесчестит,
Красные девицы позорит,
Надо всеми наругаться,
Над домами насмехаться».

Терпение русского народа, наконец, истощилось, и он поднялся против своих угнетателей. В 1262 г. во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других городах были перебиты ненавистные откупщики бесермены.

Восстание разливалось по всей стране. Втайне сочувствуя восставшим, Александр Невский с ужасом думал о

возможных последствиях начавшегося восстания. Он знал, что татары жестоко отомстят русским за обиды и убийства своих сборщиков, что за каждого татарина или бесермена тысячи русских заплатят своей жизнью.

Когда Александр узнал об этих событиях, он был занят подготовкой к походу против ливонских рыцарей. Немедленно передав свои полки сыну Димитрию, не теряя ни минуты, он отправился в Орду — спасти русский народ от татарской мести. Обращаясь перед отъездом к дружине, Александр сказал: «Служите сынову моему, аки самому мне, всем животом своим!»

С тяжелым сердцем поехал Александр в Орду, ожидая суровых упреков, которые казались ему вполне основательными. Как оправдать убийство сборщиков дани? Александр, обычно столь красноречивый, искал и не находил слов для такого оправдания.

Серьезные события, происходившие в это время в Орде, еще более осложняли и затрудняли его задачу. Берке-хан вступил в борьбу со своим двоюродным братом Гулагу, ханом Ирана. Незадолго перед этим Гулагу нанес окончательный удар багдадскому халифату и убил халифа. Берке вступил в союз против Гулагу с его непримиримым врагом Бибарсом, сирийско-египетским султаном. Гулагу умер, но сын продолжал его дело. В 1262 г. войска Берке были наголову разбиты. Разъяренный неожиданным поражением, Берке решил собрать все силы своего царства, чтобы отомстить иранцам за поражение, и готовил для вторжения в Иран трехсоттысячное войско. В этом походе должны были принять участие все подвластные ему народы, в том числе и русские.

И вдруг Берке узнал об избиении на Руси бесерменов. Гневу его не было пределов. Он уж было решил ринуться со своей ратью на русские земли и предать их свирепому разорению, как в Орду приехал Александр. В эту недобрую минуту русский князь мог легко стать жертвой слепого гнева татарского деспота. Надо было обладать отвагой и бесстрашием Александра, чтобы решиться в такую минуту войти в логовище зверя — предстать перед разъяренным ханом Берке.

Но речь шла о спасении русского народа, и Александр ни минуты не колебался. Он пустил в ход все свое красноречие, вооружился величайшим терпением и выдержкой — и одержал одну из величайших своих побед: гнев хана утих, карательный поход на Русь был отменен. Русская

страна была спасена. Мало того, Александру еще удалось настоять на том, чтобы русских освободили от тягостного участия в походе на Иран.

Все это стоило Александру огромных усилий и напряжения. Он прожил в Орде всю зиму и лето и за это время пережил так много, что здоровье его окончательно надорвалось. Тем временем Берке отправился на войну в Иран и накануне сражения у берегов Куры неожиданно заболел и умер. Его преемник Менгу-Тимур отнесся к Александру очень благосклонно. Хан не только простил русских, но и освободил их от обязанности воевать за него.

Обратно Александр возвращался совершенно больным и разбитым. Проехав по Волге в Нижний, он так ослабел, что вынужден был там на некоторое время остановиться. Немного оправившись, он с большим усилием продолжал путешествие, но, добравшись до Городца (на Волге), окончательно слег и больше уже не вставал... Когда Александр умирал, его окружили немногие друзья, с трудом сдерживавшие слезы. Но Александр ни единым жестом не выдавал своих страданий. Волнение друзей очень тягостно действовало на него. «Удадитесь, — сказал он, — и не сокрушайте души моей жалостью!»

14 ноября 1263 г., 43 лет от роду, Александр Невский скончался.

«Зашло солнце земли русской!» — говорил народ, провожая князя в могилу. Слова эти не были пустой, риторической фразой. Александр действительно много сделал для русской страны и родного народа. Кратко и выразительно определяет его заслуги первая новгородская летопись в конце повествования об Александре Невском: «Потрудися за Новгород и за всю русьскую землю».

Многолетняя, трудолюбивая, полная тревожений и опасностей деятельность Александра Невского блестяще развивалась в двух направлениях: он проявил свою доблесть и выдающееся искусство полководца по отношению к шведским и немецким «псам-рыцарям» и к неистовым литовцам; он выказывал исключительное самообладание и дипломатическое искусство по отношению к татарским ханам.

В неслыханно трудное время усобиц, раздоров и грозных опасностей он сумел сохранить целостность русского народа, которому угрожало полное уничтожение.

Образ Александра Невского, самоотверженно, всю жизнь защищавшего родной народ от его заклятых врагов, приобретает особый интерес в наше время, когда немецкие и

иных мастей фашисты нагло бряцают оружием, устремляя свой взор на Восток. Они утверждают, что «Drang nach Osten» (устремление на Восток) — их «великая историческая миссия». С пафосом ссылаются они на мнимые «подвиги» своих тевтонских предков. Они замалчивают то, что русские часто били и уничтожали гордых «железных рыцарей»; они скрывают позорную страницу разгрома их в Ледовом побоище.

Исторический обзор последствий «устремления на Восток» включает в себе мало приятного для германских империалистов.

Пять лет спустя после смерти Невского, в 1268 г., соединенные немецкие силы ринулись опять на Русь. Железным отпором ответила им «вся княжения русская со множеством вой своих». Кровавая битва при Раковоре, в которой рыцари вновь попытались разбить русских «свиньей», кончилась для них не менее плачевно, чем на льду Чудского озера. Русские князья, в том числе сын Александра Невского — Димитрий — со своими храбрыми полками разбили железный строй немецких рыцарей и гнали их на протяжении нескольких верст, пока не наступила ночь.

В 1269 и 1298 гг. немцы совершали набеги на Псков, но каждый раз им приходилось позорно бежать. Особенно чувствительный урок был дан немцам объединенными войсками славянских народов (литовцев, русских, украинцев, белоруссов, поляков) больше чем через полтора века после Ледового побоища. 15 июля 1410 г. под Грюнвальдом произошел бой, закончившийся катастрофическим разгромом тевтонцев. Немцы потеряли тогда десятки тысяч убитыми и пленными.

«Эта победа, — писал польский историк Грабенский, — стала бы могилой Ордена, если бы победители сумели должным образом ее использовать».

В 1917—1918 гг. рабочие и крестьяне Страны Советов дали еще более суровый отпор немецким грабителям.

Уверенные в своем успехе германские войска заняли Украину; они грабили население и производили неслыханные насилия над ним. «Голодные, плохо вооруженные, разрозненные отряды Красной гвардии и партизаны в течение двух месяцев оказывали героическое сопротивление полчищам Вильгельма II, упорно дрались за каждую пядь украинской советской земли. Советскому народу памятна героическая оборона Херсона в течение двух недель, борьба рабочих Николаева, оборона Донбасса под руковод-

ством Климента Ефремовича Ворошилова, легендарный поход ворошиловской колонны из Харькова в Царицын, борьба киевских, одесских и екатеринославских красногвардейцев»¹.

Даже в то время, при столь неравных силах, украинский народ сумел прогнать от себя немецких захватчиков. «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине», — писал товарищ Сталин². Немецкие «завоеватели» удирали из Советской Украины, спасая свою шкуру; они бежали отсюда в весьма жалком состоянии.

Плохо, однако, усвоила уроки истории фашистская военщина, если она сейчас осмеливается мечтать о победе над нашим свободным, счастливым советским народом, над нашей могучей Красной Армией.

Фашистские мракобесы надеются на «легкое завоевание» Советской Украины и даже... Урала (!!).

О том, как отвечает наша Красная Армия на дерзкие попытки нарушить границы нашей страны, весь мир недавно узнал, когда японские самураи получили близ озера Хасан вполне заслуженный сокрушительный отпор.

«...Мы не знаем, — сказал Климент Ефремович Ворошилов в своей речи на Октябрьском параде 1938 г., — как сильна память у этих господ, как хорошо они усваивают уроки. Но если наглядных уроков на озере Хасан недостаточно, если враг в состоянии забыть сокрушительную силу советского оружия и героизм красных бойцов и их командиров, мы должны им сказать: господа, то, что вы получили на Хасане — это только «цветики», а «ягодки», настоящие «ягодки» еще впереди. Всякому неспокойному или наглому врагу, безразлично где бы и когда он ни осмелился сунуть свой нос на нашу землю, придется ответить этих советских «ягодок»...»

«...Нам сподручнее и легче громить врага на его собственной территории. Так оно и будет — на всякое нападение и удар мы будем отвечать тройными ударами всей мощи нашей доблестной Красной Армии»³.

№ 6024

Издательство

¹ Передовая «Правды» от 17 ноября 1938 г.

² Там же.

³ «Правда» от 9 ноября 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Немецкие «пси-рыцари»	5
Детство и юность Александра. В ожидании татарского нашествия . .	13
Невская битва	19
Немецкие набеги. Ледовое побоище	27
Александр Невский как полководец	35
Борьба Александра с литовцами	38
Поездка Александра в Орду	41
Восстание против бесерменов. Смерть Александра	49

Редактор
майор
ПОДОРОЖНЫЙ
Технический редактор
ГОРБУНОВА
Корректора
НОВОЖЕНОВ,
ПЛОТНИКОВА

Сдано в производство 26.3.39
Подписано к печати—21.6.39
Формат бумаги 84×108/32
Объем 3 1/2 печ. л. 2,6 уч.-изд. л.
Уполи. Главлита № Г—3070
Издательск. № 225
Зак. № 1027

Отпечатано
во второй типографии
Гос. воен. изд-ва НКО СССР
Ленинград, ул. Герцена, д. 1

